

ЮЛИЯ ЭМИЛИ

ЭМИЛИ
НАСЛЕДИЕ
КОРОЛЕВСКОЙ
КРОВИ

Юлия Эллисон Эмили. Наследие королевской крови

<https://litres.ru/74211228>

Аннотация

Эмили: Я встретила своего супруга тогда, когда меньше всего ожидала. Но самое страшное не это, а то, что он один из тех, кто предал наш род... Сможем ли мы пройти этот путь от ненависти до любви? Или я так и останусь без супруга... Антей: Я ненавижу ее, ведь она та, кто участвовал в уничтожении всех, кто был мне когда-то дорог. Весь мой мир перевернулся с ног на голову. И этот новый мир... странный и незнакомый мне. Смогу ли я влиться в него или лучше остаться одному?

Содержание

Глава 1. Эмили	4
Глава 2. Антей	12
Глава 3. Антей	19
Глава 4. Эмили	24
Глава 5. Антей	32
Глава 6. Эмили	38
Глава 7. Антей	45
Глава 8. Эмили	52
Глава 9. Мир	59
Глава 10. Антей	66
Глава 11. Эмили	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава 1. Эмили

Сердце пело, а по коже бегали мурашки восторга. Это был не просто праздник, это был триумф. Победа, к которой мама и все мы шли долгие, полные тревог годы. Воздух звенел не только магией, но и всеобщим ликованием, и моя улыбка была ему под стать — безудержной, сияющей, сметающей все тени прошлого.

А потом за спиной возникло знакомое тепло, и все вокруг поплыло. Мир, нарушив все приличия, обвил меня руками, прижав к себе так крепко, что дух перехватило. Его губы коснулись уха, и тихий, вкрадчивый шепот пополз по коже, словно шелковыми нитями: он говорил о любви, о вечности, о том, как замирает его сердце, когда я смотрю на него. Щеки вспыхнули румянцем, а в груди закружился сладкий вихрь. Его брат, Лир, стоял напротив, и в его лукавых, подмигивающих глазах я читала обещание — вечером эта шалость получит самое приятное продолжение. Мама права, называя их хитрецами, но в их сладких плетениях я тонула с наслаждением.

Не в силах сдержать порыв, я запустила пальцы в его мягкие, как пух котенка, волосы. Прижавшись к его шее, я вдохнула пряный, пьянящий аромат его крови — аромат дома и страсти, который сводил с ума. Всего несколько месяцев... Неужели эта сладкая пытка ожидания скоро закончит-

ся? Горло сжалось от переполнявших чувств.

— Не увлекайтесь, — Лир, словно прочитав мои мысли, щелкнул брата по уху, и его смех прозвенел, как колокольчик. — Во-первых, мне завидно, я тоже хочу обниматься! Во-вторых, наш выпуск уже скоро, потерпеть осталось немного!

Повинуясь внезапному озорному импульсу, я кончиком языка коснулась солоноватой кожи Мира, чувствуя, как он вздрагивает. И в отместку щелкнула Лира по ноге, получив в ответ его заразительный хохот. Пусть знает!

Мысль о нашем будущем, о Круге, который вот-вот активируется, заставляла сердце биться чаще. Эта связь, которая разрушит последние преграды... Я смогу не просто пить их кровь, но и чувствовать каждую их эмоцию, каждую мысль, делить с ними все — от безумной страсти до тихой нежности. Мы будем единым целым.

Но сейчас эту идиллию омрачала одна мысль, холодным комком застревая под сердцем. Чтобы питаться, мне пришлось обращаться к отцам, причиняя им боль. Мне ненавистна эта необходимость — чувствовать, как хрустят кости под моими пальцами, видеть сдержанную гримасу на их лицах. Я рождена для наслаждения, не для причинения страданий.

— Только попробуйте облажайтесь на экзамене! — притворно строго сказала я, но улыбка снова выдала меня. — Я вас потом с ног до головы обкусаю в отместку!

Их смех был для меня лучшей музыкой.

Наши отношения с близнецами были совсем иными, чем у мамы с ее избранными. Елена прошла через огонь и лед, ее любовь была выкована в борьбе. А мы... мы купались в доверии и взаимном обожании. Мне не нужно было «жестить» или доказывать свою власть. Они и так смотрели на меня, как на свое личное солнце, готовые на все, чтобы увидеть его свет. Да, пару раз мне приходилось проявлять строгость, но я ненавидела боль. Я жаждала дарить и получать удовольствие, и с нетерпением ждала того дня, когда смогу довести их до исступления одной лишь лаской.

Народ вокруг взорвался ликующим гулом, когда на балконе появилась мама с ее избранными. Я сияла, глядя, как бабушка, забыв о возрасте, по-девичьи вскидывала руку, рождая в небе снопы ослепительных искр вместе с тысячами других демонов. Наконец-то!

Речь мамы о Свободе, которая отныне станет вечным праздником, звучала гимном. И вот настал финал — казнь заговорщиков, а потом — долгожданное веселье во дворце! Друзья уже засыпали нас приглашениями на закрытую вечеринку, где мы, наконец, сможем выдохнуть полной грудью, без оглядки.

Но когда на помост стали выводить пленных, что-то внутри дрогнуло. Сначала — легкая тяжесть, будто на душу опустилась мраморная плита. Потом — странное, навязчивое чувство, словно кто-то звал меня глухим, подводным ко-

локолом. Неприятное, чужеродное. Мое сердце, только что певшее от счастья, вдруг замерло в тревожном ожидании.

— Эмили, что с тобой? — Лир, словно радар, уловил перемену первым. Его тело напряглось, а взгляд стал острым и охотничьим. Мир мгновенно встал ко мне вплотную, заслоня собой.

— Что случилось?

Я не могла объяснить. В горле стоял ком. Это было похоже на зов супруга, но... изувеченный, больной. Словно на душу капала ледяная вода.

— Милая? — даже бабушка обернулась, ее радостное лицо помрачнело. — Ты чего?

Я бессильно мотнула головой, чувствуя, как по спине ползут ледяные мурашки. На меня навели чары? Это ловушка?

— Эмили? — бабушка Рамин была уже рядом, ее пальцы сжали мое запястье.

— Я не знаю. Что-то не так... — мой голос прозвучал слабо и испуганно. Я вглядывалась в толпу, пытаюсь поймать невидимую нить этого ужасного чувства.

— Что ты чувствуешь? — ее супруг встал с другой стороны, создавая живой щит.

Лир и Мир были готовы разорвать любого. А в моей груди, подчиняясь зову, начало стучать чужое, испуганное сердце. Паника, острая и тошная, подкатила к горлу.

— Он зовет. Словно колокольчик... Но не приятный, как при нахождении избранного, а какой-то... глухой, непра-

вильный...

— Не может быть... — в глазах бабушки мелькнуло нечто, похожее на ужас. — Колокольчик? Милая, ты уверена?

Я кивнула, чувствуя, как по мне бьет эта вибрация — отчаянная, предсмертная. И тут до меня дошло. Это же звон разбитого стекла, звон гибели! Нет!

— Мама, стой! — мой крик прорвал шум площади, сорвавшись с губ без воли. Все вокруг поплыло, стало неважным. — Мама, он мой супруг! Мама!

Я рванулась вперед, не видя ничего, кроме этого жалкого, грязного строя. Плевать на этикет, плевать на удивленные взгляды. В ушах стучала кровь: «Успеть! Успеть!»

— Мама, он супруг! Не убивай, мама!

Взгляд выхватил в толпе осужденных тощего, испуганного парнишку. Чувство, будто крюк, впилося в самое нутро и потянуло к нему. Я бросилась, прикрыв его собой от неминуемой смерти, и мир замер. Я нашла его. Это был он. Мой. Обреченный.

— Мама!

Наступила оглушительная тишина, и сквозь нее прорвались шаги моих близнецов. Они осторожно, но твердо оттащили меня от этого дрожащего, грязного комка — моего будущего, едва не рассыпавшегося в прах. Невероятно! Он явился так рано, сломал все планы, ворвался в мою жизнь на пороге смерти.

Взгляд Елены был ледяной глыбой, внутри которой буше-

вала буря из ужаса и ярости. Но она кивнула.

— Уведите его...

Когда его уводили, меня затрясло. Запоздалый ужас сдавил горло, выдавая беззвучные рыдания. А если бы я не успела? Если бы навеки осталась с пустотой в душе, даже не зная, что потеряла?

Лир обнял меня, его теплое дыхание на виске было единственной опорой в рушащемся мире.

— Эмили, тише... — он прошептал, но тут же отстранился, подчиняясь правилам. Мир стоял рядом, и в его скупом кивке я прочла всю его преданность и боль. Но от этого не становилось легче.

Я нашла своего супруга. И едва не стала его палачом.

— Давай его домой, — решение отцов прозвучало как приговор.

Мы прошли через портал, и тишина нашего дома оглушила после площади. Я, все еще дрожа, прижалась к Дэнтариэлю, к одному из своих отцов, ища защиты в его сильных руках.

— Эмили, ты как?

— Все нормально, — солгала я, чувствуя, как судороги медленно отпускают тело. Как мама остается такой негибимой? Неужели и мне предстоит научиться жить с таким грузом?

— Мы позовем ему целителя завтра днем. С ним все хорошо сейчас.

Я лишь кивнула, не в силах вымолвить слова. Какая ирония — найти свою судьбу на эшафоте.

— Ты вообще уверена, что он супруг? — мягко спросил Дэн. — Я думал, связь при рождении чувствуешь.

Я кивнула снова, с силой сглотнув ком в горле.

— Уверена, но проверить стоит.

Он вырос среди врагов. Он будет ненавидеть меня. Эта мысль была горче яда.

— Хорошо, — прошептала я, отступая в объятия своих близнецов — моего настоящего, моего убежища.

Кит, мой второй отец, улыбнулся мне, и в его улыбке была вся нежность этого мира.

— Ты как?

— Все нормально, — мой ответ был тише шепота. — Иди-те, мама вас ждет на празднике.

Они заслужили этот праздник. А я... я заслужила эту ночь, чтобы плакать.

— С тобой точно все будет в порядке?

— Конечно. Мы с близнецами пойдем в комнату. Посидим там немного.

Мои мальчики молча обещали мне свою защиту.

— Дома. Ты обещала, Эмили. И не вздумайте успокаиваться обнимашками, еще не хватало спровоцировать вашу связь — слишком рано. К добру это не приведет. Подождите выпуска.

Мы покорно кивнули, и когда они ушли, я прислонилась

лбом к холодной двери, за которой томился мой будущий кошмар. Из груди вырвался сдавленный стон.

Вот угораздило же... Найти свою судьбу и приговорить ее к жизни, полной ненависти. Какой жестокий подарок преподнесла мне Судьба в этот день Свободы.

Глава 2. Антей

Что мир — штука паршивая, я усвоил еще в детстве, когда вместо деревянных мечей мне вручали воровские отмычки, а вместо друзей — список целей для шпионажа. Но последние пару месяцев превзошли все ожидания, сказочно вознес меня из заурядного преступника в ранг врага короны. Почетное, блин, звание. Сомнительная привилегия — умирать с помпой.

Все тело ныло и горело сплошным синяком. Каждый сустав, каждая мышца кричали о побоях, голоде и жажде. Со смертниками не церемонятся — зачем тратить ресурсы на тех, кто все равно скоро станет удобрением? Оставалось лишь стиснуть зубы и ждать, когда этот адский марафон боли наконец достигнет финиша.

— На выход! — Решетка с скрежетом отъехала, и в промозглую темницу вошел один из тех холеных щеголей, «избранных» этих голубокровных ублюдков. От его лощеного вида и уверенной осанки тошнило сильнее, чем от смрада камеры. — Тебе персональное приглашение надо? — он рывком дернул за цепи моих кандалов.

Белый, ослепляющий шквал боли пронзил все тело, заставив мир на миг поплыть перед глазами. Я выдохнул хриплое, звериное «Арщ...», впиваясь в него взглядом, полным всей немой ненависти, что копилась годами. Весь его вид кричал:

«Я ни разу в жизни не знал, что такое настоящий голод или страх». И этот сытый довольный черт теперь издевается над тем, у кого кости едва держатся в суставах после «допросов» его дружков.

— Ты бы хоть на ногах цепь сделал длиннее! — вырвалось у меня, пробиваясь сквозь стиснутые зубы. Бессильная ярость, горькая и едкая, как дым, подкатила к горлу. Не могли просто прикончить — обязательно нужно устроить цирк! Публичное шоу с нашим унижением! Ублюдки!

— Я тебе сейчас язык сделаю покороче, а не цепь подлиннее! Заткнулся и пошел!

Щелчок пальцев — и в тело впились тысячи раскаленных игл. Я захлебнулся, мое тело выгнулось в немом крике, не в силах издать ни звука. Ад длился вечность, а на деле — секунды. Когда боль отступила, оставив после себя липкий, противный холод и дрожь в коленях, я понял: здесь меня добивать не станут. Приберегут для толпы.

— Живее! — Рядом кто-то застонал, получив свою порцию магического «уговора». Я, спотыкаясь и семеня в цепях, поплелся куда велено. Твари. Все они тут — твари.

Впрочем, выйдя в коридор, я ощутил, как оковы на ногах послушно ослабели, магически удлинившись. Бежать все равно не получится, но шагать стало хоть чуть удобнее. Мелкая уступка, от которой еще противнее. Словно псу бросают кость, чтобы тот послушнее шел на убой.

Меня встроили в шеренгу, поставив сзади какого-то быв-

шего «шишку» с вечно недовольной, высокомерной рожей. Правильно. Я тут чуть ли не единственный, кто пахал в грязи, пока эти «стратеги» в чистоте свои планы строили. Сплюнул на отполированный пол, чувствуя жгучую обиду. Моя жизнь — разменная монета в их больших играх, а их смерть — трагедия. Несправедливость этого мира душила сильнее пут.

Нас сковали в одну длинную, скорбную гирлянду из обреченных. Около сотни душ. Некоторые рыпались — и тут же получали новый заряд агонии. Я стиснул зубы. Нет уж. Не дам им лишнего зрелища. Умру молча, с закрытым ртом. Пусть их кровавый праздник останется без моих криков в качестве приправы.

Когда нас вывели на улицу, я невольно зажмурился. Солнце. Оно било по глазам после вечной темноты подвала, но было таким... живым. Я вдохнул полной грудью, и в ноздри ударил пьянящий запах цветущих деревьев и свежего ветра. Предательская влага выступила на глазах. Вот черт. В самый неподходящий момент захотелось жить.

— Живо разделились на тройки! Стоять на местах, молчать! — Приказ, отдающийся болью в висках. Я вздрогнул, стиснув челюсти. Да задолбали уже! Хотел крикнуть на впереди стоящего тюфяка, но из горла не вырвалось ни звука. Еще и голос отняли, сволочи! Пришлось пнуть идиота ногой, молча указывая на его место. Мой взгляд упал на надзирателя — того самого, белобрысого королевского пса. Внутри

все перевернулось от ненависти. Чтоб ты сдох.

— Выведете их по приказу королевы. Пристегиваете всех к позорным столбам. Тела оставите там на сутки, пусть полюбуются все желающие. Потом просто развеем и все.

«Развеем». Холодная, безразличная констатация. Ни могилы, ни памяти. Прах по ветру. Эхо от его слов застряло в ушах, ледяной скульптурой страха нарастая внутри. Я заставил себя дышать глубже, отчаянно пытаюсь не выдать дрожи, что начала подкашивать ноги. Только бы быстро. Умоляю, только бы быстро.

Я уставился в небо, в эти безмятежные, пушистые облака. Оно было таким бесконечным и чистым. Нелепый контраст с грязью, болью и страхом, что наполняли меня. Мне нет еще и тридцати. По меркам демонов — младенец. А я уже видел столько гадости, что хватило бы на несколько жизней. И теперь, глядя в эту лазурь, я отчаянно, по-детски хотел жить.

Внезапно чей-то крик прорвался сквозь гул толпы.

— Нет! Стойте! Мама!

Я проигнорировал. Не отвлекаться. Небо. Облака. Считать до тысячи... Но любопытство, этот проклятый инстинкт, заставило меня скривиться. Местная принцесса, та самая, с парой теней-близнецов, металась в стороне, ее взгляд был прикован... ко мне? Галлюцинации. Предсмертные видения.

— Он мой супруг, мама! Не убивай!

И тогда на меня обрушилось целое цунами из шелка, слез и боли. Она врезалась в меня, сбивая с ног, и ее объятия впи-

лись в мои израненные плечи и запястья, будто раскаленные клещи. Я едва не закричал, но магия немоты задушила звук в горле. Дура безумная! Руки-то у меня прикованы! Сейчас кости не выдержат!

К счастью, ее вовремя оттащили. Я, тяжело дыша, поймал взгляд одного из близнецов. Холодный, оценивающий, полный скрытой угрозы. Ну конечно. Игрушка принцессы имеет бракованный вид. Где же смерть? Почему все затягивается?

— Мама? — ее голос дрожал где-то рядом, а я в это время пытался оценить ущерб: если кровотечение усилится, может, все закончится само собой, без их помоста?

— За мной! — Над ухом прозвучал ненавистный голос белобрысого надзирателя, и мои цепи отцепили от столба с такой легкостью, словно они были из перьев. Я рухнул на него, не в силах устоять на ослабевших ногах, но его напарник грубо выпрямил меня, вонзив пальцы в плечи.

— Давай без сцен, двигай!

Меня поволокли прочь с площади. В голове стучало: «Куда? На другой эшафот? Для более изощренной казни?» Но мы направлялись ко дворцу. Обратно. Возмущение сменилось леденящим недоумением.

— Давай в нижние комнаты дворца.

— Нет. Лучше сразу домой, потом перетаскивать еще с места на место, а тут сразу связан удобно...

«Удобно». Чтоб вы сами так посидели, мрази! Я мысленно изливал на них весь свой словарный запас, оставаясь сна-

ружи немым и покорным.

— Давай тогда туда, где Адама держали. Там есть кровать и душ. Ему ж наверняка целительская помощь нужна после подвалов то...

Сзади раздался очередной всхлип той самой Эмили. Целитель? Мне? С чего такая внезапная забота? Подозрение, острое и ядовитое, тут же подняло голову. Я был в первых рядах заговора. Они не могли этого не знать. Значит, это не милость. Это что-то другое.

— Он ведь выживет? — ее голос был полон искренней тревоги.

— Не переживай, Эмили, все с ним будет хорошо. Все ранения не серьезные, — тот, что шел впереди, вдруг заговорил мягко, почти по-отечески. Но я поймал быстрый, многозначительный взгляд, который он бросил своему напарнику. Фальшь капала с каждого слова. — Он быстро восстановится.

Внутри все перевернулось. Притворная доброта была хуже прямой угрозы. Так вот в чем дело. Я стал чьим-то капризом. Игрушкой для скучающей принцессы. В голове тут же вспыхнул план, ядовитый и сладкий. О, глупенькая... Ты пригрела на груди змею. Они убили столько моих... Ты думаешь, я позволю им меня сломать? Или буду лизать руки тем, кто уничтожал мой народ?

Я опустил голову, скрывая произвольную ухмылку, что рвалась на губы. Пусть думают, что я сломлен. Пусть кормят,

лечат, обхаживают. Я буду паинькой. Я буду улыбаться. Я буду ждать.

И когда они меньше всего этого ожидают... о, тогда эта плакса-принцесса и вся ее семья горько пожалеют, что не довели казнь до конца. Месть станет моим новым смыслом.

И от этого предвкушения по телу разлилось пьянящее, живительное тепло.

Я жив. И пока я жив, у них есть самый опасный враг прямо в своем логове.

Глава 3. Антей

Меня втолкнули в помещение, от которого пахло старым камнем и сыростью, но... здесь действительно была кровать. Обычная, деревянная, с матрасом. После вечной мерзлоты каменного пола в темнице она показалась мне символом невероятной роскоши. Я хмыкнул, пытаюсь скрыть смешанное чувство облегчения и настороженности. За каждую малость здесь придется платить, я это знал.

— Руки! — прозвучал отрывистый приказ одного из блондинов-близнецов.

Я механически протянул вперед запястья, истерзанные до мяса и сине-багровых кровоподтеков. Одно из них неестественно выгибалось — старый перелом, сросшийся как попало в подвале, без помощи целителя. Сложный пасс руками, и тяжеленные кандалы с грохотом рухнули на пол. Руки, внезапно ставшие невесомыми, онемели и заныли от притока крови. Я облегченно вздохнул, чувствуя, как по коже бегут мурашки свободы, пусть и временной.

— Целитель будет здесь не раньше завтрашнего дня, — вздохнул один из стражей, его тон был полным безразличия.

Второй пожал плечами, холодно окинув меня взглядом.

— Не сдохнет. Потерпит.

Еще один взмах — и магическая пелена, сковывавшая мой голос, рассеялась. Первым порывом было выплеснуть на

них всю желчь и ненависть, что клочкотала внутри. Но память о яркой, обжигающей боли, которую они могли обрушить на меня одним лишь движением брови, заставила сглотнуть слова. Я просто стоял, сжимая и разжимая онемевшие пальцы, чувствуя, как в ранах на запястьях заныла свежая, живая боль.

— Сидишь здесь. Ванная комната за дверью. Помоешься, снимешь все грязные тряпки, сложишь их у двери. Ждешь.

Мощная развлекательная программа! Чуть не сорвалось с языка, но я лишь кивнул, опустив взгляд. Играй, притворяйся сломленным. Это твоё оружие сейчас.

Когда они ушли, я прислонился спиной к холодной стене и медленно сполз на пол. Дрожь, которую я так яростно сдерживал, вырвалась наружу — мелкая, предательская, бывшая в ознобе по всему телу. Я несколько раз стукнулся затылком о камень, надеясь, что боль вернет ясность мысли. Но нет, я все еще здесь. В логове врага. В пасти зверя, который решил поиграть с добычей.

Встал, опираясь о стену, и побрел в ванную. Душ. Унитаз. Чистота, которая казалась насмешкой. Я с жадностью набросился на кран, и чуть не застонал, когда ледяная вода хлынула на тело. Холодная? Плевать! Она смывала грязь, кровь и запах тюрьмы. Я схватил кусок мыла — дорогого, пахнущего травами, не чета той бурде, что была у нас, — и принялся скрести кожу, сдирая присохшие корки крови и грязи.

Тряпье, приросшее к ранам, отдирали со сжатыми зубами,

чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза от боли и унижения. Но я был упрям. Я хотел быть чистым. Хотя бы внешне.

Выбравшись из душа, я промокнулся простыней, добытой из тумбочки, и рухнул на матрац. Он пах сухой травой и пылью, но после каменного пола казался облаком. Я укрылся остатком простыни, и блаженная возможность вытянуться во весь рост, не будучи скованным цепями, мгновенно погрузила меня в пучину сна. Тело, измученное болью и страхом, отключилось.

— Подъем!

Грубый тычок в ребра, и я мгновенно сел, сердце бешено заколотилось в груди. Передо мной стоял один из блондинов, а в воздухе витал божественный аромат... еды. На подносе дымилась простая каша, но для моего сведенного голодом желудка это был пир. Я не стал церемониться, считая все так быстро, что почти не чувствовал вкуса, лишь жгучую потребность насытиться.

Отдавая пустой поднос, я заметил, что простынь сползла. Поспешно потянулся за ней, но страж остановил меня жестом.

— Сейчас придет целитель, так что это лишнее.

Внутри все сжалось от злости и унижения. Ну что ж. Стеснение — роскошь для тех, у кого есть будущее. У меня его, скорее всего, нет.

Я откинулся назад, встречая его взгляд своим — вызыва-

ющим и бесстыдным. Пусть смотрит на впалый живот, на синюшные ребра, на старые шрамы. Пусть видит, с кем имеет дело. Холеный убудок. Один из тех, кто решает судьбы, ни разу не испачкав руки.

В комнату вошел его близнец, а за ним — мужчина с рыжими волосами, чей взгляд излучал холодную, профессиональную жестокость. Настоящий садист в белом халате.

— Та-а-ак, — протянул целитель, окидывая меня оценивающим взглядом, будто кусок мяса на прилавке. — И это наше будущее?

Близнецы синхронно кивнули. Меня заставили лечь.

— Руку однозначно ломаем, срослась неправильно. Пару ребер тоже. Печень отбита, почки в чуть худшем состоянии. В целом, ничего особо серьезного. Кости ломаем сейчас?

«Нет!» — закричало все внутри меня. Но мои мучители были единодушны.

— Да, — прозвучал их вердикт.

Я не успел даже вдохнуть, как знакомый, но от этого не менее ужасный хруст прошел по моей руке. Белая, ослепляющая боль вновь поглотила мир. Я закричал, не в силах сдержаться. Садисты! Доморощенные мясники!

Целитель тем временем принялся методично, с каким-то хирургическим хладнокровием, выворачивать и «править» кости. Каждое его движение отзывалось новой волной агонии. Я стиснул зубы, пытаясь не выдать всего ужаса, что сковал меня, но тело предательски дрожало.

— Готово. Рука все. Зафиксировал. Через неделю снимете заклинание, должно будет восстановиться, если будете нормально кормить. Ребрами сейчас займусь.

Новый взрыв боли, на сей раз в груди. Воздух вырвался из легких свистящим хрипом. Зачем?! Зачем они это делают?! Чтобы продемонстрировать свою власть? Чтобы сломать не только тело, но и волю? Чтобы я был благодарен за то, что меня «лечат», ломая заново?

Когда один из блондинов стал накладывать на мою грудь тугую повязку, а второй принялся промывать раны, я уже не сопротивлялся. Просто лежал, глотая воздух, чувствуя, как ненависть — густая, черная и живая — затягивает раны в моей душе, куда более страшные, чем те, что на теле.

Они ушли, оставив меня одного с болью и яростью. Я боюсь боли. Признаться в этом даже самому себе было унижительно. Но эта слабость лишь подливала масла в огонь моей ненависти.

Они думают, что куют из меня покорного раба? Они ошибаются. Они выковали мстителя. И я заставлю их пожалеть о своей «милости». Каждую секунду этой пытки я буду помнить. И когда придет мой час, я верну им все. С процентами.

Глава 4. Эмили

— Нам обязательно надо проверить, действительно ли он твой избранный, — мама улыбалась, но я с первого взгляда прочла в ее глазах натянутую мягкость. Ей, выстрадавшей каждую пядь своей власти, претила сама мысль, что мой супруг — предатель. Но что поделать? Судьбу не выбирают. Оставалось лишь принять этот подарок с шипами и найти в себе силы их затупить.

Впрочем, спешить не было нужды. Первыми всегда идут близнецы, а этот тощий, изломанный мальчишка... пусть подождет. Сто лет, двести. У нас впереди вечность.

Я прикрыла глаза, и на мгновение мне представилась картина — шумная, теплая семья, как у бабушки, где все смеются и поддерживают друг друга без упреков и борьбы за власть. Не то, что у мамы, вечно балансирующей на лезвии ножа между своими избранными. Нет, ее путь — не для меня.

— И как проверить? — уточнила я, чувствуя, как усталость наваливается тяжелым плащом. С момента той суматохи на площади прошло несколько дней, и первые шок и эйфория сменились тягостным, тревожным ожиданием.

Мои близнецы пытались отвлечь меня, но им скоро уезжать на учебу. Да и я понимала — это мой крест. Мой супруг, моя ответственность. Первый шаг должна сделать я. Хотя...

нет, я хочу, чтобы все было правильно, гармонично. Чтобы мы стали семьей, а не сборищем враждующих сторон. У них еще будет время подружиться с ним.

— Самое простое — артефакт. Если он признает его, то он и правда твой супруг.

Я кивнула, хотя механизм работы артефакта был мне не до конца ясен.

— Что за артефакт?

Мне вручили небольшую шкатулку. Внутри на бархате лежало простое серебристое кольцо, на вид ничем не примечательное, без единой вспышки магии.

— Если он активизируется, то он действительно твой избранный. А если останется неактивен, то нет. Тебе надо надеть его ему на палец и прикоснуться рукой кожа к коже.

Я покрутила безделицу в пальцах. Выглядело оно слишком уж просто для такой судьбоносной проверки.

— И, по опыту, — голос мамы стал серьезнее, — если он все же супруг, но не знал об этом, следует проверить работоспособность его потоков. Ему могли их специально испортить. И тогда время, что вам дано, следует также потратить на то, чтобы это исправить.

Вот этого я не знала. В учебниках о таком не писали.

— А это можно исправить? — во мне шевельнулась надежда. Если его искалечили, значит, он и сам мог быть жертвой.

— Да, но это весьма больно и неприятно. Для начала опре-

делитесь, надо ли это вам вообще. Если он не захочет быть твоим супругом, то можно привязать и так, чисто для зачатия ребенка. Но тогда сразу после этого будет лучше его убить. Держать взаперти всю жизнь — это особый вид извращения, и я против подобного.

Внутри все сжалось от холодной волны. Она была права. Как ни ужасно это звучало, она была права. Я не могла позволить себе слабость, которая обернется угрозой для всей семьи. Мама столетиями выжигала корни заговоров, чтобы мы сейчас жили в безопасности.

Выбора не было: либо он станет своим, либо его не станет вовсе. Третьего не дано. Мы не можем выпустить на волю того, кто знает слишком много и с пеленок воспитан ненавидеть нас.

— А если он согласится попробовать узнать друг друга лучше, что посоветуешь?

— Если согласится, — мама откинулась на спинку кресла, — то внимательно следи за его настроениями. Сразу не доверяй. Хотя я бы вообще не доверяла, все же он с детства воспитан врагом. Прежде чем давать ему свободу, даже минимальную, я бы сначала прогнала его через все тесты доверия. Чтобы вы могли сосуществовать — доверие важно.

Она ласково улыбнулась, и я знала — она вспоминала Адама и Мрака, своих первых близнецов, чье недоверие и борьба стоили ей бессонных ночей и душевных шрамов.

— Считаешь, что без доверия не получится совсем? —

переспросила я, желая услышать подтверждение.

— Да. Ты-то доверять можешь, верить в лучшее... а он... В общем, сначала надо добиваться доверия от партнера. По мере зарождения доверия в нем, ты также сумеешь научить-ся доверять и увидишь, насколько может быть эффективен ваш союз.

В ее словах была бездонная глубина прожитого опыта. Хорошо. Значит, план таков: проверить, поговорить, и если он проявит хоть крупицу готовности к сотрудничеству, начать кропотливо, шаг за шагом, строить мост через пропасть вражды.

В то, что он сдастся легко, я, конечно, не верила. Но я была готова бороться за то, что принадлежало мне по праву судьбы.

— Но если он будет сопротивляться, мы же все равно попробуем? — в моем голосе прозвучала стальная нота, унаследованная от нее.

Мама тяжело вздохнула, но кивнула.

— Да, Эмили, пробуй все равно. Супруг — важная завершающая часть твоей семьи, будет обидно потерять ее на ровном месте. Убить его мы сумеем в любой момент.

«В любой момент». От этих слов по спине пробежал холодок, но вместе с ним пришла и ясность. У меня есть шанс. И я им воспользуюсь.

— Хорошо, у меня еще экзамены на днях, но я постараюсь выделить время и проверить его на избранность, как только

он немного подлечится и успокоится.

Я твердо намерена была прислушаться к советам старших. Их мудрость, выкованная веками, была моим главным оружием. Вчера я выслушала бабушку, сегодня — маму. Их стратегии совпадали, а значит, это и есть верный путь.

Медленно бредя к своей комнате, я погрузилась в размышления, и тут же судьба послала мне ответ. Вернее, человека.

— Эмили? — папа Адам стоял в коридоре, будто поджидая меня.

Я посмотрела на него с внезапной надеждой. Конечно! Кто, как не он, лучше всех поймет душу моего пленника? Адам, дольше всех сопротивлявшийся маме, познавший и ненависть, и принуждение, и медленное рождение привязанности.

— Можешь поговорить со мной наедине? — попросила я, извиняюще улыбнувшись Мраку, его брату. Тот сдался куда быстрее, его опыт был не так ценен сейчас.

— Да, конечно, — Адам не показал удивления. — В твою комнату?

— Да, пошли.

Заперев дверь, я тут же кинула заглушающий купол. Атмосфера требовала полной конфиденциальности.

— Слушай, ты можешь больше рассказать об этих доверительных штуках? Я знаю, что вас с братом мама куда-то водила в лабиринт. Там... сложно?

Адам слабо улыбнулся, в его глазах мелькнула тень давней боли, но взгляд оставался теплым.

— Поначалу сложно, да и сейчас еще тоже иногда... Там разные уровни идут, от самых простых до сложных. Но чтобы даже пройти на простой, нужна база. Если ты планируешь затащить своего недосупруга туда, то вероятнее, ничего не получится вот так просто. Когда я туда попал, то уже был в какой-то мере готов принять все. А он пока совсем не готов. Вам бы с чего-то попроще начать... А то ведь думаешь, что доверяешь, а попадая туда, все меняется. Те испытания даже с доверием сложно пройти бывает. Кит и Дэн сами иногда ругаются, когда Елена их туда загоняет.

Его слова заставили меня пересмотреть свой зарождавшийся план. Бросок в омут с головой — не выход. Нужна осторожность, постепенность.

— Я поняла. Но в целом, ты ведь сможешь с ним поговорить и рассказать про свою историю? Думаю, что ты, как сын главной виновницы, пострадал от этого не меньше, а то и больше него... Может, он в тебе почувствует родственную душу...

Адам невозмутимо кивнул, его взгляд стал твердым и понимающим.

— Конечно. Без проблем. Главное, сначала проверь, тот ли он, кто нам нужен, а затем я попробую поговорить, объяснить.

На душе сразу стало легче. Появился союзник, тот, кто

прошел этот путь из тьмы к свету. Я довольно улыбнулась. Правда, еще можно будет привлечь папу Дерика... Но это позже.

Внезапно в груди знакомо кольнуло — голод, требующий энергии избранных. Я покраснела, украдкой взглянув на Адама. С ним и Мраком у меня не было такой близости, как с Китом и Дэном, которые сами подходили ко мне, когда видели мой голод и нужду. Просить было... неловко.

К счастью, Адам сам заметил мое замешательство.

— Ты... держи, — он чуть неуверенно протянул мне руку. — Я ведь также избранный близнец. Я сожалею, что мы с тобой не так близки, как остальные.

Да, я тоже сожалею... Но все можно исправить.

— Но у нас есть вся жизнь, чтобы это исправить, — тепло улыбнулась я, беря его прохладное запястье. — Я считаю тебя с Мраком своими отцами, что бы ни происходило. Вы ведь тоже воспитывали меня в свое время.

На его губах дрогнула улыбка.

— Я быстро, — пообещала я и, привычным движением вывернув сустав, впилась зубами в нежную кожу.

Сладкий, пряный вкус его боли наполнил меня, согревая изнутри. Они с Мраком всегда казались мне... особенными, с легкой горчинкой, как дорогой шоколад. Сделав несколько жадных глотков, я аккуратно поставила кость на место, сыто облизнув губы.

— Жду не дождусь, когда не надо будет этого делать, —

призналась я. — Не люблю причинять боль.

Черноволосый избранный усмехнулся, и в его глазах блеснула искорка старого, закаленного страданиями упрямства.

— Зря. В ней есть достаточно много оттенков, чтобы со временем привыкнуть и полюбить, — он подмигнул мне. — Думаю, ты еще переменишь свое к ней отношение, раз даже я это принял.

«Может быть», — подумала я. Жизнь, конечно, длинная. Но пока я оставалась при своем.

— Спасибо. Я скажу, когда с моим будущим супругом будет лучше поговорить. К тому же, может быть, тебе он скажет больше.

— Буду ждать, — кивнул он, и в его взгляде я прочла не только готовность помочь, но и тихую, понимающую грусть за того, чью судьбу мне предстояло решить.

Глава 5. Антей

Примерно с неделю меня оставили в покое. Если бы не скука, превращавшаяся в зудящее недоумение, эти дни можно было бы назвать почти идиллическими. Еду приносили регулярно, повязки меняли, а я лежал, наслаждался относительной чистотой и наблюдал, как магия по кирпичикам восстанавливает мое избитое тело. Мне даже выдали настоящее полотенце, теплый плед и зубную пасту. Настоящий курорт, черт возьми. Я почти начал забывать вкус подвальной сырости.

Почти. Потому что, когда в мою «комнату» без стука вошли все четверо близнецов королевы, ледяная волна реальности накрыла с головой. Праздник окончен.

— Решили, что я все же достаточно опасный преступник и меня надо добивать вчетвером? — фыркнул я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Глупая бравада, но лучше уж она, чем показать, как сжимается желудок.

Они, как и ожидалось, проигнорировали мою реплику. Я для них был пустым местом, проблемой, которую предстояло решить.

— Одевайся.

Мне бросили сверток. Футболка, мягкие штаны... и даже трусы. Вот это щедрость! Внутри все похолодело. Одевают либо для казни с помпой, либо для чего-то еще более

неприятного. Я молча, не торопясь, стал одеваться. Ткань, мягкая и чистая, казалась нелепым костюмом для предстоящего фарса. По крайней мере, я больше не чувствовал себя голым и беззащитным перед ними.

— Попробуешь хоть раз дернуться в сторону, сказать резкое слово, или сделать еще что-то — будет больно, — безразличным тоном констатировал один из черноволосых. Его взгляд скользнул по мне, как по вещи. Меня бесило это молчаливое пренебрежение. Рассмотреть меня голым — пожалуйста, а узнать имя — ниже их достоинства.

— Понял, — кивнул я, вжимая голову в плечи. Не дурак. Противостоять четверым, когда по телу только-только начала струиться новая, живительная сила? Нет уж. Я выбрал жизнь. А значит, выбрал игру.

— Идем.

Мы двинулись коридорами, и я с жадностью впитывал каждую деталь. Так, мы явно поднимаемся из подвалов. Значит, ведут в жилую часть. Надежда, острая и коварная, шевельнулась внутри. Возможно, это шанс.

— Любое неправильное движение или слово — и ты окажешься обратно в подвалах в ту же секунду, — блондин мечтательно улыбнулся, и по спине пробежали мурашки. В его взгляде читалось не просто предупреждение. Он бы с удовольствием применил свою магию. — Учись следить за действиями и языком.

«Научился, сволочь, еще в ту ночь, когда твои дружки ло-

мали мне ребра», — пронеслось в голове. Но внешне я лишь покорно кивнул. Да, я паинька. Самый послушный и смиренный узник. До поры до времени.

Когда мы вошли в гостиную, меня на мгновение ослепило. Не роскошь, а... уют. Мягкий ковер, в котором тонули ноги, диван, обещавший невероятное удобство, и камин. Его живое тепло обняло меня, заставив невольно вздрогнуть от контраста с вечным холодом камня.

Это было опасно. Такая обстановка усыпляла бдительность, заставляла забыть, где ты находишься.

— Садись в кресло. Руки на подлокотники, чтобы мы видели.

Я опустился в мягкую пучину кресла, с наслаждением чувствуя, как оно принимает форму моего тела. Вау. Вот так жили мои враги, пока мы ютились в подвалах и мерзли на чердаках.

Горечь подступила к горлу, но я заставил ее отступить. Руки легли на подлокотники, как и велели. Играю роль. Статуя. Послушный щенок.

Близнецы растворились, но я знал — они где-то рядом, следят. И тут вошла она. Та самая, избалованная принцесса, из-за чьего каприза мой мир перевернулся с ног на голову.

— Добрый день, — сказала она.

Я промолчал, изучая ее так же, как она изучала меня. Хрупкая, с большими глазами. С виду — невинная девочка. Но я-то знал, какая хищница скрывается за этой маской.

— Вежливые люди здороваются, — ее губы скривились в обиженной гримаске.

Я фыркнул, позволив себе крошечную дерзость. Надо же показать, что я не полностью сломлен.

— Здороваются с тем, кого хотят видеть.

— И все же, поздоровайся. — Ее взгляд заледенел, и в нем мелькнула тень ее матери. Холодная, безжалостная решимость.

Внутренне я усмехнулся. Хочешь покорности? Получишь. Это ведь ничего не стоит.

— Хорошо. Здравствуйте, Ваше Высочество.

Триумф в ее глазах был мгновенным и смешным. Ну радуйся, дурочка. Готов хоть на колени встать, если это поможет тебе расслабиться. Каждая твоя улыбка — это еще один гвоздь в твое будущее заблуждение.

— Умница. Можешь, когда захочешь. — Она села напротив, и я почувствовал, как воздух наполнился напряжением. Разговор переходил к сути.

— Теперь давай поговорим о твоём будущем.

Вот оно. Я мысленно подобрался, хотя все мое тело оставалось расслабленным. Ладно, стерва, выкладывай, что ты для меня придумала. Роль придворного шута или коврика для вытирания ног?

— У тебя всего два варианта, — она нервно переплела пальцы. — Первый — мы с тобой находим общий язык, и ты становишься моим избранным наравне с близнецами. В

будущем — королем. Второй — общий язык мы не находим, и ты будешь нужен мне всего на один раз для рождения ребенка. Когда я забеременею, тебя убьют.

Внутри все застыло. Холодная, отполированная логика палача. Либо рабство в золотой клетке, либо быстрая смерть после исполнения функции. Ничего нового. Ничего человеческого. Я всегда был для них расходным материалом.

И что же выбрать? О, конечно, я уже давно выбрал. Третий вариант. Тот, о котором они даже не подозревают. Но игра требовала осторожности.

— У меня есть время подумать? — спросил я, делая вид, что обдумываю ее «щедрое» предложение. Мой тон был ровным, почти безразличным. Важно было показать, что я не цепляюсь за жизнь с животным страхом, а взвешиваю варианты. Что я сдаюсь не сразу, а с достоинством, которым у меня, по их мнению, не должно было быть.

Ее реакция была бесценной. Легкое недоумение, растерянность. Она ждала слез, мольбы или немедленной благодарности. Ждала, что я брошусь к ее ногам. Но нет, малыш. Со мной так не пройдет.

— Да, конечно, — она немного сбилась, прежде чем продолжить. — Тебе выдадут книгу про избранных, учебники, и попозже с тобой встретится мой отец. У тебя будет возможность лучше узнать про то, что тебя ждет в будущем, уже у него.

«Отец». Интересно. Возможно, это слабое звено. Новый

источник информации, новый шанс.

— Уведите его обратно, — приказала она, и в ее голосе слышалась досада.

Меня повели прочь, и я позволил себе крошечную, внутреннюю улыбку. Первый раунд окончен. И я не проиграл. Я выиграл время. А время — это единственная валюта, которая имела для меня значение. Они думают, что ведут увлекательную игру по перевоспитанию дикаря. Они и не подозревают, что дикарь уже точит нож и изучает правила их же игры. Месть — блюдо, которое стоит подавать ледяным. И я был готов ждать хоть сто лет, чтобы насладиться ею в полной мере.

Глава 6. Эмили

Мой возможный супруг оказался... красивым. Теперь, когда с него смыли грязь и кровь, а вместо вонючих лохмотьев выдали чистую одежду, я могла разглядеть его истинную внешность. Короткие русые волосы отливали здоровым блеском, и эта стрижка ему шла. Тело было худым, почти бесформенным — следствие голода и темниц, но это пустяки. Пару месяцев хорошего питания и тренировок — и рельеф проступит сам собой. Но лицо... Пухлые, ярко очерченные губы, большие карие глаза, в которых сейчас плескалась одна лишь настороженность, и эти скулы... Высокие, четкие. Признаюсь, у меня есть слабость к выразительным мужским скулам.

В целом, его требовалось слегка «облагородить», но в его внешности не было ничего отталкивающего. Ни уродливых шрамов, ни дурных родимых пятен, коими щедро награждала судьба многих заговорщиков. Он был... чистым холстом. И от этого становилось еще тревожнее.

Я нервничала, чувствуя, как подступает комок к горлу, и, не зная, как построить этот роковой разговор, чуть не совершила ошибку, попросив увести его.

— Хотя нет, стойте! — мой голос прозвучал резче, чем я хотела, и я сама себе удивилась. Нет, бегство — не выход. Нужно знать наверняка.

Просто... было страшно. Страшно ошибиться, страшно увидеть в его глазах подтверждение своей судьбы, страшно не увидеть его.

— Давай лучше подстрахуемся, — Кит, словно прочитав мои мысли, мягко улыбнулся и занял позицию за спиной у парня, его руки легли на его плечи твердым, но не грубым захватом. В ту же секунду в дверном проеме возникли силуэты Мрака и Адама. Моя маленькая группа поддержки. Их присутствие придавало уверенности, словно прочный тыл.

— Спасибо, — кивнула я и, собрав всю свою волю, шагнула ближе. Прямо к нему. К тому, из-за кого наша семья пролила столько крови. Из-за кого я чуть не потеряла мать. Глядя в его карие, полные скрытой ярости глаза, я заставила себя выдохнуть всю эту тяжесть. Прошное должно остаться в прошлом. Иначе нам не выстроить будущее.

— Протяни вперед руку ладонью вверх, — попросила я, и мой голос прозвучал удивительно ровно.

Его красивое лицо исказила гримаса нежелания, но он повиновался. Я достала из складок платья маленькое, уже успевшее согреться теплом моего тела, кольцо. Сердце забило чаще. Этот маленький обруч сейчас решит так многое.

— Надень, — снова попросила я, стараясь вложить в слова не приказ, а предложение.

Но на этот раз он взбунтовался.

— Зачем? Что это? — его взгляд сверлил безделицу с подозрением.

— Кольцо, — ответила я честно. Врать не имело смысла.

— Я вижу, что кольцо, не совсем тупой, — в его голосе зазвенело раздражение. — Зачем мне его надо надевать? Что после этого будет?

Он сжал ладонь, пряча артефакт, и я почувствовала, как Кит чуть усилил хватку. Но парень будто и не заметил.

— Ничего опасного для тебя, — постаралась звучать убедительно.

— Нет уж. Если я должен что-то сделать, да еще непонятное и странное, то я хотел бы знать точную причину.

Я беспомощно посмотрела на Кита. Вот этого поворота я не ожидала. Его упрямство было... обескураживающим.

— Можно надеть силой, — пожал плечами Кит, и в его тоне сквозила не угроза, а констатация факта.

Меня передернуло. Нет. Только не это. Не с этого должно было начинаться наше знакомство. Не с насилия и принуждения.

— Не стоит, — мягко улыбнулась я ему. Все советовали терпение. Что ж, я покажу ему, что у меня оно есть.

— Это кольцо позволит мне увидеть твои потоки, — сказала я, выбирая слова с осторожностью. Полная правда могла его спугнуть. — Когда наденешь, я его коснусь и увижу. Это надо для того, чтобы, если ты все же решишь добровольно быть со мной, твоя магия сохранилась. Если с твоими потоками будет что-то не так, то сначала придется их восстановить.

Он помялся, и я видела борьбу в его глазах. Нежелание подчиняться боролось с пониманием собственной уязвимости. И, похоже, моя полуправда сработала.

— Хорошо, — он тяжело вздохнул, словно смиряясь с неизбежным, и разжал ладонь. — Имеет значение, на какую руку надевать?

— Нет, — мотнула я головой, чувствуя, как камень с души падает.

Он быстрым, почти небрежным движением нацепил кольцо на палец и с вызовом протянул мне руку.

— Ну? — буркнул он, когда я на секунду замерла. — Вы ведь хотели коснуться.

Любопытно. Теперь он торопил меня.

Сделав глубокий вдох, я осторожно протянула руку. Мрак и Адам синхронно сместились ближе, создавая кольцо безопасности. Он лишь криво усмехнулся, наблюдая за этой пантомимой. И вот... мои пальцы коснулись его прохладной кожи.

И мир перевернулся.

Холодная волна пробежала по моей коже, а в сознание хлынул чужой водоворот эмоций. Густая, тягучая опаска. Острое, как лезвие, ожидание подвоха. И всепроникающее, знакомое до боли недоверие. Это были его чувства! Артефакт сработал! Он мой!

Я силой воли отсекала этот эмоциональный шквал, сосредоточившись на диагностике. Я мысленно провела по его

энергетическим каналам, и картина, которую я увидела, заставила мое сердце сжаться. Мама была права. Потoki были не просто повреждены, они были... исковерканы. И характер повреждений говорил сам за себя.

— Ты не девственник? — спросила я деловито, отпуская его руку и тут же теряя болезненную, но такую желанную связь.

Его глаза расширились от изумления и мгновенно вспыхнули обидой.

— Вот так вот, даже имя мое меня никто не спросит и сам не скажет, а как голышом перед вами скакать и на всякие дурацкие вопросы отвечать, так пожалуйста?! — выпалил он, срывая кольцо с пальца и швыряя его в мою сторону. Я инстинктивно поймала артефакт, чувствуя, как по щекам разливается краска. Он был прав. Мы вели себя как варвары.

— Я... ты не знаешь наших имен? — удивилась я, осознавая эту вопиющую оплошность. Мы требовали от него всего, не дав даже элементарного — уважения к его личности.

— Откуда бы?! — хмыкнул он с горькой усмешкой. — Я похож на провидца или кто там видит настоящее, прошлое и будущее?

— Мое имя Эмили, — тут же, без промедления, представилась я. Чувство вины гнало меня вперед. — У тебя за спиной Кит. Его брата-близнеца зовут Дэн. Это Мрак, — указала я направо. — Это Адам, — налево. — Как твое имя?

Он медленно обвел всех нас оценивающим взглядом, буд-

то вбивая имена в память для будущего мемориала.

— Антей.

— Красивое имя, — улыбнулась я, и на этот раз улыбка была искренней. — Так ты ответишь на вопрос про девственность?

— Зачем? — в его позе вновь читалось упрямство, но теперь в нем была и усталость.

— Твои потоки в плохом состоянии, — объяснила я мягко, но настойчиво. — Обычно от добровольного секса таких проблем не возникает. Я просто хочу подтвердить догадку. Можешь просто сказать «да» или «нет», где «да» — было насилие, «нет» — я ошиблась, и ты девственник.

Он молчал, и в его глазах бушевала буря. Стыд, злость, боль. Мы стояли и ждали, давая ему это время. Никуда не торопясь.

— Да, — наконец выдавил он, и в этом слове был вызов, брошенный мне и всему миру.

Я просто кивнула, принимая этот горький факт. Внутри все переворачивалось от жалости и гнева — не на него, а на тех, кто это с ним сделал.

— Хорошо, — сказала я, и в моем голосе прозвучала не оценка, а констатация. Принятие. — Я думаю, ты можешь вернуться к себе. Прости, но пока тебя будут держать там, где ты проживаешь сейчас.

Я повернулась к отцам, и в моем тоне зазвучали новые, властные нотки. Ноты заботы, переходящей в приказ.

— Только дайте ему теплой одежды и плед. А то он мерзнет.

Когда его увели, я тихо выдохнула, разжимая пальцы и глядя на простое колечко в своей ладони. Что ж... Первый шаг сделан. Самый трудный. Я не просто проверила избранность. Я увидела его боль. И теперь была обязана с ней справиться. Доверие? Оно не рождается в один миг. Но семя было посажено. И я сделаю все, чтобы оно проросло.

Глава 7. Антей

То, что эта мелкая бестия врет, было ясно с самого начала. В ее глазах, когда она тараторила про «потoki», плескалась откровенная хитренькая искорка. Так что я внутренне метался: притвориться ли доверчивым болваном и надеть эту дурацкую безделицу или упереться рогом. Но тяжелые, словно вылитые из стали, ладони на моих плечах были недвусмысленным напоминанием: ты в клетке, парень. И твои надзиратели не терпят неповиновения.

Показывать характер сейчас — себе дороже. Значит, придется глотать эту унижительную пилюлю и делать вид, что меня все устраивает.

Само кольцо оказалось на удивление безобидным — ни удара током, ни жжения. Но едва девчонка отпустила мою руку, я тут же стряхнул его с пальца, будто оно было раскаленным. Нафиг, нафиг, нафиг. Не нужны мне их побрякушки.

А вот ее последние слова, брошенные мне вслед, когда меня уже уводили, заставили споткнуться на ровном месте. «Он мерзнет».

Допустим. Но какое, к черту, ей дело? Удивило даже не это, а то, что ее прихвостни безропотно выполнили ее прихоть. Мне принесли и плед, и одежду. Такая покладистость вызвала во мне едкую насмешку, которую я не смог удержать

внутри.

— Что, если не послушаетесь, то будет бо-бо? — язвительно фыркнул я. — Ну так не все вам одним над беззащитным мной издеваться!

Я никогда не славился сдержанностью, а от вынужденного заточения и молчания язык уже чесался. Хоть какое-то подобие диалога, хоть чья-то реакция — уже развлечение.

— Придавить бы тебя, — блондин (Кит, кажется?) мечтательно улыбнулся, и в его глазах на секунду вспыхнул тот самый знакомый, садистский огонек. — Жаль, что теперь точно нельзя.

Его взгляд скользнул по двум другим, и он ретировался. А вот эти двое, Адам и Мрак (я все еще путал их), задержались. Выжидающе.

— А вам что надо? — рыкнул я, чувствуя, как нарастает раздражение. С одной стороны, похоже, моя жизнь в безопасности, пока я «сотрудничаю». С другой — от этого осознания не становилось легче. — Валите тоже! — махнул я рукой на дверь. Мне отчаянно нужно было остаться одному, чтобы переварить все это.

— Я останусь поговорить, — один из черноволосых кивнул брату. Пока я не видел между ними разницы — оба как на подбор, холодные и надменные. — Иди. Я подойду чуть позже.

— Как хочешь.

Я с нескрываемым удивлением наблюдал, как они догово-

риваются словами. Надо же. А я-то думал, у них там телепатия, общий разум или что-то в этом роде. Ходили слухи, что близнецы общаются без слов.

Когда мы остались одни, я тут же выпалил:

— Мне не о чем с тобой разговаривать! — огрызнулся я, глядя в стену. Мне нужно было обдумать стратегию, выработать линию поведения, а не тратить силы на болтовню с этим стражником.

— А вот мне — есть. Садись! — он указал на мою же кровать, где теперь лежали новенький, дразняще пушистый плед и сложенная одежда.

Слушаться его не было ни малейшего желания.

— А то что? Опять используешь эту вашу боль и заставишь силой? — я вызывающе поднял подбородок. Я сам не понимал, зачем лезу на рожон, но неделя в одиночестве сделала меня голодным до любого взаимодействия, даже враждебного.

— Ну не хочешь — стой, — спокойно пожал плечами этот наглец и... устроился на моей кровати. Развалился на ней с таким видом, будто это его законное ложе, запрокинул голову и вытянул ноги.

Я онемел, наблюдая за его позой. Было что-то неувлимо знакомое в том, как он устроился на этом жестком матрасе. Словно он и сам когда-то провел здесь немало времени. Или он просто чудовищно самоуверен и ему везде как дома.

— Давай начистоту, — черноволосый усмехнулся, и в его

улыбке не было злобы, скорее... усталое понимание. — Я вижу в тебе себя. Тот же колючий еж с иголками из всех щелей. Недоверие, желание уколоть побольнее... Разница лишь в том, что я воспитывался избранным, и правила помогали мне скрывать свое состояние, а ты не знаешь, как себя вести, и буквально светишься противоречием.

«Нашелся душецелитель», — ядовито подумал я. А что, мне плясать от радости, что меня похитили и бросили в подвал?

— Кстати, знаешь, кто я? — спросил он, и в его голосе прозвучала странная нота.

Я упрямо уставился в стену, демонстрируя полное безразличие. Отстань. Просто отстань от меня.

Со стороны кровати донесся тяжелый вздох.

— Я сын вашей предводительницы, — хмыкнул он. Я внутренне скривился. Вранье. Очевидное вранье. — Не знаю, слышал ли ты... Она использовала нас с братом, чтобы подобраться к правящей чете поближе. И для этого не чуралась никаких методов. — Он сделал паузу, давая словам просочиться сквозь мое неверие. — Я сам когда-то провел в этой камере несколько месяцев, пока Елена не решила все же дать мне второй шанс. Хотя к тому времени я уже осознал, что меня просто использовала родная мать как орудие, и растерял иголки. Я был готов к переменам в жизни, а ты пока нет.

Сейчас-сейчас я расплачусь от умиления. Очередная

сказка для наивных дураков. Я слышал такие сладкие речи раньше. А в итоге всегда оставался тем, кто пашет в грязи, пока другие пользуются плодами моего тяжелого труда.

— Я, собственно, к чему... — «голубокровный садист» усмехнулся и сел ровнее. — Я хочу сказать, что раз ты рожден одним из избранных, то этого не изменить. Ты так или иначе придешь к этому. Твой выбор — будет это через боль и ломку личности, как было у меня. Либо это будет по любви и добровольно. Я бы мог сейчас рассказать тебе полную свою историю, но боюсь, ты пока не проникнешься. — Он поднялся с кровати, освобождая мое законное место. — Отдыхай. Эмили, кстати, хочет договориться о том, чтобы тебя обучали вместе с ее близнецами в их школе. — Он бросил эту фразу как заманчивую приманку. — Думаю, тебе это и в самом деле пойдет на пользу. Познакомишься с нашими правилами жизни, поймешь иерархию, плюс там постоянный контроль на всей территории — сбежать или серьезно навредить кому-то не сумеешь.

Вот это уже было интересно. Обучение? Бесплатное? Мозг тут же забил тревогу: такой сыр бывает только в мышеловке.

— И чему там учат? — фыркнул я, стараясь скрыть пробудившееся любопытство. — Прислуживать? Унижаться? Делать эти ваши болезненные заклинания?

Я не верил, что меня станут учить чему-то полезному. Зачем? Мне уже ясно обозначили роль — донор спермы для

наследника. И точка.

Темноволосый гад весело улыбнулся, и в его смехе не было злобы.

— Откуда такие сведения? Нет. Вообще-то там учат профессиям, дают многие базовые знания мира. Только в последние годы делается упор на взаимоотношения между избранными и носителем крови. Мы с братом, кстати, как раз сейчас там переобучаемся. Бояться особо нечего.

«Ага, знаю я это "нечего"», — подумал я скептически. Но... это все равно был шанс. Шанс вырваться из этих четырех стен, увидеть что-то новое, может быть и найти слабое место в их обороне.

— Так когда меня туда отправят? — спросил я, и в голосе прорвалось нетерпение, которое я тщетно пытался скрыть.

— Это к Эмили. Я тут ничего не решаю. И советую вести себя с ней поспокойнее. Она хорошая девочка, но, как и Елена, имеет стальной стержень внутри. Только опыта не хватает.

«А то я не знаю, что все вы тут ненормальные садисты...» — мысленно парировал я. Вздохнув, я взял с тумбочки принесенный плед — мягкий, невероятно тактильно приятный — и закутался в него. Тепло сразу же обволокло тело, вызывая предательское чувство комфорта.

— Посмотрим, — буркнул я ему в спину, когда он уже выходил. В голове вовсю застучали шестеренки. Школа... Контроль... Но и возможности. Возможности изучить врага, най-

ти союзников... или просто дождаться своего часа. Да, определенно, есть над чем подумать.

Глава 8. Эмили

— Нам надо поговорить, — я вошла в комнату, где держали Антея, и дверь с мягким щелчком закрылась за мной, отсекая внешний мир. Воздух пах чистотой и одиночеством.

Решение обучить Антея зрело во мне несколько дней. Убить его — просто. Сложнее — дать шанс. Рискованный ход, но игра стоила свеч. Его сообщники мертвы, каналы связи оборваны, но расслабляться рано. Бдительность — мой второй язык с детства.

— А где охрана? — его взгляд тут же метнулся за мою спину, выискивая тени моих защитников. Напряженная готовность к удару читалась в каждой линии его тела.

Я позволила себе легкую улыбку, делая два неспешных шага вперед. Дистанция между нами сократилась, и я видела, как сузились его зрачки.

— За дверью, — ответила я, наслаждаясь его недоумением. — Они нас не слышат.

Антей встал с кровати, скрестив руки на груди в классическом защитном жесте. Но сквозь маску агрессии я отчетливо видела дрожь страха, спрятанную глубоко внутри. Он боялся. И это было хорошим началом.

— А чего тебе надо? — его голос прозвучал хрипло и злобно.

— Поговорить, я же сказала, — мой тон оставался ров-

ным и спокойным, будто мы обсуждали погоду. Внутри же все пело от возбуждения. Это был мой первый настоящий вызов, моя личная миссия. — Садись.

И, о чудо, он послушался. Неохотно, медленно, но опустился на край матраса. Маленькая победа, сладкая, как первая кровь.

— Говори, — буркнул он, напоминая ежа, собравшего все свои иголки в один колючий клубок.

— Я предлагаю тебе обучение в нашей школе избранных.

Он замер, и на его лице появилось выражение интенсивной внутренней работы. Я наблюдала, как за его внешней грубостью скрывается живой, цепкий ум. Именно это и делало его одновременно интересным и опасным. Моя жизнь и без того напоминала американские горки, и теперь я добровольно добавила на них еще один смертельный вираж. Но я жаждала не просто спокойствия — я жаждала контроля. Над ситуацией, над ним, над собственной судьбой.

— И что мне с этого будет? — он дерзко поднял взгляд, и наши глаза встретились. В его — вызов, в моих — непоколебимая уверенность.

— Ну, для начала, ты выучишься и научишься себя вести, — я слегка хмыкнула, давая ему понять, что его «дерзости» меня скорее забавляют, чем задевают. — Пока что твои манеры оставляют желать лучшего.

Его глаза вспыхнули, но я продолжила, не давая ему вставить колкое слово.

— Но кроме манер, там даются базовые знания избранных о наших взаимоотношениях, о связи, о нашей жизни. Сможешь получить профессию. Обычно супруги после этой школы получают высшее образование в Королевской школе, где учатся обычные демоны.

Он все еще ждал подвоха — это читалось в каждом его мускуле. Что ж, я не стану его разубеждать. Пусть ждет. Осторожность лишь сыграет мне на руку.

— Оплачивает обучение корона, так что волноваться о деньгах не стоит. Возвращать тоже никто не заставит, так как после обучения все избранные, как правило, приносят пользу короне, работая во благо общества.

При слове «работа» он снова надулся, словно перезрелый плод, готовый лопнуть.

— Я не хочу! — выпалил он после паузы, но я видела — он лжет сам себе. В его глазах мелькнул проблеск любопытства.

— Почему? — мягко нажала я. — Антей, мы с тобой нормально разговариваем, будь добр, отвечай.

— Потому что знаю я, как вы заставите отрабатывать! Я не хочу! — в его упрямстве была почти детская наивность.

Я вздохнула, вспоминая уроки бабушки: «Сила — в спокойствии, власть — в понимании».

— Хорошо. Я понимаю, что ты боишься, — сказала я, и в моем голосе не было насмешки, лишь констатация факта. — Но если ты попробуешь — ничего страшного не произойдет. Ты ведь понимаешь, что сейчас у тебя два пути. Первый —

ты будешь продолжать сидеть тут, и через какое-то время мы сделаем наследника. После ты умрешь. Все. Второй — мы постараемся найти общий язык и стать семьей.

Я не стала говорить ему о древнем ритуале привязки, что обсуждала с матерью и бабушкой. Жесткая сцепка, тотальный контроль — это был мой козырь, припрятанный на крайний случай. Но даже это казалось меньшим злом по сравнению с бесславным концом в этих стерильных стенах.

Анте́й молчал, и я дала ему время, наблюдая, как в его голове сталкиваются страх, гордость и инстинкт выживания. Наконец, он сдался.

— Хорошо, допустим, я согласен. Что дальше? Ты выведешь меня из этого каменного мешка?

Я покачала головой, наслаждаясь его нетерпением.

— Если ты согласишься — да. Но помни, что мы по-прежнему не можем тебе доверять, а значит, будет контроль.

Его скептическая гримаса была предсказуема.

— Пошли уже. Если я еще минуту проведу в этом подвале — закричу!

Я рассмеялась, его отчаянная искренность была забавна. Распахнув дверь, я кивнула Киту и Дэну, стоявшим на посту. Мы быстро миновали портал и очутились в спартанской, но уютной комнате моих близнецов в Академии.

— Познакомься, это мои близнецы — Лир и Мир, — я с гордостью указала на своих мальчиков. Анте́й же настороженно окинул взглядом аскетичное помещение.

— Обычно в наших семьях супруг стоит выше по иерархии, — улыбнулась я. — Но пока это не наш случай.

Я достала из кармана браслет — мое личное творение, плод долгих тренировок перед созданием таких же для моих близнецов. Идеальная возможность совместить полезное с... еще более полезным. Кивнув Киту, я быстрым, точным движением схватила руку Антея и защелкнула артефакт на его запястье.

Он дернулся, пытаясь стряхнуть его, но тщетно. Его пальцы бессильно скользили по гладкой поверхности.

— Что за дрянь? Мы так не договаривались! — его крик был полон ярости и паники. Я наблюдала за его метаниями со спокойным интересом.

— Мы вообще никак не договаривались, — моя улыбка стала шире. — К тому же все имеет свою цену — привыкай. Хорошее отношение в том числе. Ты же пока его не заслужил.

Когда он угрожающе двинулся на меня, Дэн и Кит мгновенно взяли его под руки. Мои близнецы встали передо мной живым щитом.

— Ты же не серьезно собрался нападать на госпожу, когда рядом целых четверо защитников? — поинтересовался Мир с холодным, аналитическим любопытством.

Я великодушно махнула рукой.

— Спасибо, думаю, дальше мы сами справимся.

Кит и Дэн, обменявшись понимающими взглядами, вы-

шли. Я тут же обняла Лира, прижимаясь к его сильному телу, чувствуя, как Мир прикрывает мне спину, не спуская глаз с Антея.

— Я соскучилась, — прошептала я, вдыхая знакомый, успокаивающий запах.

— Зачем ты привела нам... этого? — с легкой брезгливостью спросил Лир.

— А теперь это ваша головная боль, — хмыкнула я, бросая взгляд на Антея, который все еще яростно теребил браслет. — Не старайся, он не снимется. От того, что ты сейчас пытаешься его снять — лишь сделаешь себе больно. Успокойся.

Я сделала осторожный шаг к нему, словно приближаясь к дикому зверю, и медленно обхватила его запястье с браслетом. Его кожа была горячей от ярости. Он злобно посмотрел на меня, и в глубине его карих глаз заплясали чертики настоящего, неподдельного страха.

— Спокойнее. Это всего лишь браслет. Он не причинит вреда.

— Зачем тогда ты его на меня напялила? — его голос был хриплым от злости.

— Он надевается всем избранным, — пожала я плечами.

— Что-то я не вижу на твоих близнецах подобных украшений, — в его тоне звенел едкий сарказм.

— Им он пока без нужды. После нашей привязки и их клятвы избранных подобные же артефакты будут и у них.

— Тоже с невозможностью снять?

— Да, — кивнула я. — Это ведь не просто браслеты. Они усиливают связь, позволяют общаться мысленно, служат маячком в случае опасности. Они не должны сниматься. У меня тоже будет подобное украшение вместе с ними.

Он с молчаливым скепсисом оглядел нас всех. Что ж. Доверие не рождается в один миг. Сначала — правила. Повиновение. Все остальное — потом.

— Сейчас у тебя урезанная версия. Маячок и контроллер. В случае если ты решишь сбежать или пожелаешь все-р-ез навредить кому-либо — браслет сильно нагреется, выдаст импульс боли и подаст мне сигнал. Я могу даже лишить тебя воли, если захочу, — я смотрела ему прямо в глаза, не скрывая правды. Пусть знает, с кем имеет дело. — Поэтому води себя хорошо и не заставляй меня применять его.

Он сглотнул, сжимая кулаки, но промолчал. Хорошо. Урок усвоен. Первый из многих.

Я обернулась к своим близнецам и, поднявшись на цыпочки, нежно чмокнула каждого в щеку.

— Удачи. Осталось немного, — прошептала я, и в моих глазах вспыхнуло предвкушение. Их выпуск, наша настоящая связь... Я сгорала от нетерпения. Как мама выдерживала такое долгое ожидание со своей второй парой, было загадкой. Мое же терпение было на исходе, и каждая минута обещала новую, сладкую игру.

Глава 9. Мир

— Ну что, будем знакомиться, — криво улыбнулся брат, пока я настороженно сверлил взглядом нашу новую «головную боль». — Я — Лир.

Вздохнул, понимая, что не отбрешешься. От этого парня исходило странное напряжение, будто он был сбитой с толку дикой кошкой, которая в любой момент могла либо сбежать, либо пустить в ход когти. И Эмили оставила его с нами. Спасибо, дорогая.

— Мир, — представился я коротко, поймав его изучающий взгляд, скользнувший по единственной в комнате кровати. — И даже не смотри на эту кровать, — отрезал я, перехватывая его невысказанную мысль. — Если тебе не предоставят свою, то спать будешь на полу, так и знай.

Он раздражал меня с первой секунды. Не своей прошлой жизнью врага и не тем, что он был «супругом». А тем, как он стоял — сгорбившись, но с вызовом в глазах, словно мы были ему что-то должны. Как будто это мы ворвались в его жизнь, а не наоборот.

— Антей, — будущий супруг нашей Эмили все же ответил спустя время, вежливостью на вежливость, хотя то, что мы все трое раздражены до предела, было видно невооруженным взглядом.

Его голос был тихим, но в нем слышалась сталь. Он нена-

видел эту ситуацию не меньше нашего, но, в отличие от нас, у него не было выбора. И эта мысль заставляла его сжимать кулаки так, что костяшки пальцев белели.

В воздухе повисло тяжелое молчание. Комната, и без того тесная для двоих, с его появлением словно сжалась до размеров клетки. Я видел, как его взгляд скользнул по нашим немногим вещам — аккуратно сложенным мундирам, книгам на полке, простому деревянному сундуку. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на голод — не физический, а голод по нормальной жизни, по чему-то своему. Но он тут же погасил это чувство, и в его карих глазах вновь осталась лишь настороженность и глубокая, укоренившаяся обида.

— Думаю, нам стоит сходить к кураторам и узнать, — нарушил тишину Лир, всегда более рассудительный в подобных ситуациях. С ним было проще — он мог смотреть на вещи отстраненно, тогда как я чувствовал каждую угрозу для Эмили как личное оскорбление.

Я кивнул, мотнув головой в сторону Антея.

— Идешь впереди, чтобы мы оба видели тебя, — сказал я, не оставляя пространства для дискуссий.

Тот зло сверкнул взглядом, губы его искривились в беззвучном ругательстве. Но, стиснув зубы, он резко толкнул дверь и вышел в коридор. Плечи его были напряжены, спина — прямой, будто он шел на эшафот, а не по школьному коридору.

— Живете словно псы в этой жалкой будке, — бросил он

через плечо, окидывая нашу скромную обитель презрительным взглядом.

Но в его оскорблении не было настоящей злобы. Скорее, горькая насмешка над самим собой. Ведь теперь и он был здесь заперт.

— Поздравляю, теперь и ты тут живешь, — парировал Лир, легонько подталкивая его в плечо, чтобы тот не замедлял шаг.

Я лишь хмыкнул. Легко говорить о принятии супруга в семью, когда этот «супруг» ведет себя как последний скот. Хотя, будь он адекватным... Но нет, о таком можно было только мечтать.

Мы вышли из нашего крыла и пересекли внутренний парк Академии. Воздух, всегда напоенный ароматом ночных цветов и влажного камня, сегодня казался особенно густым. Антей, шедший впереди, вдруг замер на мгновение, его плечи потеряли свою привычную напряженность.

Он яростно крутил головой, его глаза, привыкшие к грязи и сырости подвалов, с жадностью впитывали окружающую его красоту. Он сделал глубокий, почти судорожный вдох, словно пытался вобрать в себя самую свободу, витавшую в этом месте. На его лице на мгновение появилось что-то похожее на детское изумление, прежде чем он снова нахмурился и пошел дальше, но теперь его шаги были чуть менее резкими.

А красота и впрямь была готической и суровой. Наша

школа-замок вздымалась к небу остроконечными шпилями, будто гигантские каменные когти, впившиеся в бархат ночного неба. Стены из темного, почти черного камня были покрыты причудливой вязью древних растений, которые под лунным светом отливали серебром. Огромные арочные окна с витражами, изображавшими сцены из истории демонов, бросали на траву разноцветные блики, словно рассыпанные самоцветы.

Между зубчатых башен летали светлячки, оставляя за собой искрящиеся шлейфы. Воздух звенел от едва уловимого гула магии — здесь каждый камень был пропитан ею. И над всем этим царила тишина, нарушаемая лишь шепотом ветра в ветвях древних кипарисов, стоящих на страже у входа.

Антей задрал голову, глядя на главную башню с часами, циферблат которых был выложен лунными камнями. Он снова глубоко вдохнул, и на этот раз его губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но не посмел. В его позе было что-то голодное, почти жадное. И в этот миг я впервые увидел в нем не врага, а... пленника. Пленника, который впервые за долгое время увидел небо и понял, чего он был лишен. Но затем его взгляд упал на массивные, запертые ворота, охраняемые двумя каменными горгульями, и его лицо снова стало каменным, а в глазах вспыхнул знакомый огонек сопротивления.

Кураторы нашлись не сразу, нам пришлось обойти пол-замка, пока мы не застали их в одном из учебных кабинетов

в Западном крыле. Девушки-близнецы, близняшки дворцового целителя, были полной противоположностью — одна всегда в движении, другая — воплощение спокойствия. Но когда они нас увидели, по их лицам пробежало одинаковое понимание. Они уже знали, зачем мы пришли.

— Да, вам будет выделена еще кровать, — сказала Айрис, та, что была подвижнее, пока ее сестра Илва что-то быстро писала за массивным дубовым столом, заваленным свитками. — Распоряжение об обучении поступило сверху, мы не могли не принять. Также для вас троих составлено новое расписание, — она указала на доску, где обычный, почти освоенный нами график был испещрен новыми, чужими предметами. — Добавлены дополнительные дисциплины, и некоторые вам придется пройти заново, чтобы будущий супруг влился в наш образ жизни.

Я скривился, сжав кулаки. Пересдавать «Основы межличностной магии» и «Этикет крови»? Серьезно? Но спорить было бессмысленно. Когда в дело вмешивалась корона, любые возражения растворялись в воздухе.

— У нас скоро выпуск, мы должны сосредоточиться на подготовке к выпускным экзаменам, — вступил Лир, всегда более дипломатичный. В его голосе звучала не жалоба, а констатация факта.

— Да. У вас все по плану, — из-за стола поднялась Илва. Ее улыбка была мягкой, но в глазах читалась непоколебимая твердость. Она протянула нам листок. — Но в связи с новой

ситуацией, было решено оставить вас в школе после официального выпуска. Ваша госпожа уже подписала распоряжение. У вас будут краткие каникулы, где вы сможете сформировать связь, а затем вернетесь сюда для контроля и обучения супруга.

Я взял листок. График был забит с раннего утра и до поздней ночи. Ни минуты покоя. Ни секунды наедине с Эмили. Все ради этого... этого Антея.

Самого парня при этом игнорировали, будто он был не живым человеком, а мебелью. Он стоял чуть поодаль, и я видел, как его щеки покрылись легким румянцем от унижения. Его пальцы нервно теребили край своей простой, казенной рубахи.

Он пытался сохранить маску безразличия, но его взгляд выдавал его. Он с нескрываемым любопытством, смешанным с горечью, разглядывал кабинет — полки, ломящиеся от древних фолиантов, сверкающие магические инструменты на полках, самих кураторш в их изящных, дорогих одеждах. Он слушал, впитывал каждое слово о своем будущем, в котором у него не было права голоса, и его челюсть была сжата так сильно, что, казалось, вот-вот треснет. В его глазах читалась яростная, беспомощная злоба. Он был пешкой в чужой игре, и он это прекрасно понимал.

И глядя на него, я понял: наши настоящие экзамены только начинаются. И самый сложный из них стоял прямо перед нами — с карими глазами, полными вызова и непогасшей

искры надежды на свободу, и именем Антей. Эта искорка, которую он пытался скрыть, была опаснее любой открытой ненависти. Потому что она означала, что он не смирился. И он будет бороться.

Глава 10. Антей

Дни в этой проклятой Школе слились в одно сплошное, изматывающее полусознательное существование. Меня будили на рассвете, когда за окном еще висели синие сумерки, и гнали, словно скотину, на первый урок.

Физическая подготовка была моим единственным островком спасения. Там я мог вложить всю свою злость в удар по потрескавшейся кожаной груше, в напряжение мышц на холодном металле турника. Пот лился с меня ручьями, легкие горели, но зато в голове наступала блаженная, оглушающая тишина.

Инструктор, угрюмый детина с лицом, как у обтесанного гранита, лишь хмыкал, глядя на мои старания. Казалось, я ему даже нравился. Немного.

А потом начинался ад. Настоящий, выверенный ад под названием «Теория и Практика Взаимодействия».

В тот день у близнецов был практический экзамен по «Подаче и Церемониальному Отказу». Я сидел на задней парте, втиснутый в неудобный деревянный стул, и наблюдал.

Мои «сокамерники», Лир и Мир, по очереди подходили к кураторше Айрис, которая изображала капризную госпожу.

— Я хочу тот свиток, — томно говорила она, указывая на полку у самого потолка.

Лир, не говоря ни слова, должен был встать на одно ко-

лено, сложить ладони лодочкой и ждать, пока она поставит на них свою ногу в изящной шелковой туфельке. Потом, используя его как живую стремянку, она доставала свиток. А потом могла с размаху швырнуть его в угол и заявить, что передумала.

Я сжимал кулаки под столом, пока они не белели.

Чистейшее, отточенное веками унижение. И самое страшное — они не просто терпели. На их лицах не было ни злобы, ни стыда. Лишь абсолютная, ледяная концентрация.

Их позы были идеальны, движения — выверены. Они были похожи на прекрасных, отполированных манекенов. И от этого зрелища меня мутило.

После обеда, который я проглатывал, почти не чувствуя вкуса, начиналась моя личная каторга. «История Правящих Домов». «Основы Дворцового Этикета». Мне вручали стопки книг и свитков, от которых пахло стерильной, мертвой древностью. Текст в них был мелкий, витиеватый, наполненный оборотами, которые я едва понимал.

Я сидел в своей угловой комнате и пытался читать. Глаза слипались. В голове была каша.

«Супруг, занимая положение выше прочих избранных, тем не менее, не должен проявлять инициативу...» Я перечитывал один и тот же абзац пятый раз, и слова плясали перед глазами, не складываясь в смысл.

А домашнего задания было — горы. Нужно было выучить наизусть генеалогическое древо правящей семьи за послед-

ние сто тысяч лет. Сто тысяч! Я свою-то родню до деда не знал.

А еще нужно было описать церемонию «Принятия Клятвы» в трех вариантах.

Как-то вечером я не выдержал. Я швырнул тяжелый фолиант в стену. Он с глухим стуком упал на пол, рассыпав страницы. Я тут же, с проклятием, бросился их собирать.

Страх, знакомый и липкий, скребся под сердцем.

А что, если узнают? Накажут? Применяют ту самую магическую боль? Или, что хуже, доложат Эмили?

Мысль о ней заставляла меня замереть на корточках с разорванной страницей в руках.

Иногда я ловил на себе взгляды других близнецов. Они смотрели на меня с холодным любопытством. Я для них был диковинкой. Враг. Чужак, впущенный в их священное логово. Я чувствовал их взгляды на своей спине, когда шел по коридору, и каждый раз мне хотелось либо сгорбиться, либо оскалиться и рыкнуть.

Однажды вечером, когда я уже почти валился с ног от усталости, ко мне в комнату зашел Лир.

— Не уснешь, пока не выучишь, — сказал он просто, указывая на разбросанные по моей кровати свитки. В его голосе не было ни злорадства, ни сочувствия. Констатация факта.

— А ты что, проверять будешь? — огрызнулся я, чувствуя, как по щекам разливается жар.

— Нет. Но завтра будет тест. Не сдашь — отчитаются гос-

поже. Она... расстроится.

Он произнес это последнее слово с какой-то странной интонацией. Не угрозой. Скорее... предостережением. Как будто расстроенная Эмили была чем-то худшим, чем любое наказание.

Он ушел, оставив меня в гнетущей тишине. Я снова уткнулся в текст, пытаюсь заставить мозг работать. «В случае, если супруг и близнецы вступают в конфликт интересов, приоритет отдается мнению супруга, однако окончательное решение остается за носителем крови...»

Я закрывал глаза. В висках стучало. Я не мог это выучить. Я не хотел это учить. Каждое выученное правило, каждая принятая здесь норма — это был еще один кирпич в стене, что отгораживала меня от того, кем я был. От моей жизни.

Но иногда, когда я заходил в столовую во время каких-то особых дней, и видел, как другие избранные, взрослые, сильные демоны, безупречно обслуживали своих господ, вставая, когда те входили, и не садясь без разрешения... Когда я видел ту самую, отработанную до автоматизма покорность... Я понимал, что эти дурацкие правила — не просто слова в книге. Это воздух, которым они все тут дышали. Это фундамент их мира.

И мне, хоть я и будущий «супруг», приходилось либо научиться дышать этим воздухом, либо задохнуться.

И самый большой страх во всем этом был в том, что я уже начинал привыкать к его вкусу. И это пугало куда больше,

чем любое унижение.

Глава 11. Эмили

Пыль веков оседала на мои пальцы тонким бархатным слоем, а ответа все не было. Я похоронила себя в самой дальней, забытой богами галерее дворцовой библиотеки, где воздух был густым от запаха старого пергамента и тишины. Горы свитков и фолиантов возвышались вокруг меня немymi укоризненными стражами.

Я лихорадочно искала хоть крупицу информации, хоть намека, способный объяснить, почему судьба решила устроить мне такую жестокую и постыдную шутку. Почему рождение моего супруга прошло для меня незамеченным? Почему его первый зов пробился ко мне не тихим, сладостным эхом в душе, а искаженным предсмертным хрипом на плахе, посреди толпы, жаждущей его крови?

Информация, казалось, нарочно издевалась надо мной. Строчки в древних фолиантах плясали перед глазами, слова теряли смысл, отказываясь складываться в внятную картину. Может, в этом и был какой-то высший смысл? Испытание на прочность? Проверка того, достойна ли я своей крови и своего предназначения?

Мысль о том, что я могла оказаться недостойной, жгла изнутри постыдным, липким стыдом.

С глухим стуком, эхом разнесшимся по пустынному залу, я захлопнула тяжеленный том по древней нумерологии. Об-

лачко пыли взметнулось к расписному потолку, закружившись в луче бледного света из высокого окна. С меня хватит. Я выдохлась, ощущая, как смиряюсь с неизбежным. Что вышло, то вышло.

Копаться в прошлом — все равно что пытаться собрать разбитую вазу, каждый осколок будет лишь ранить руки. Теперь нужно было выстраивать будущее. Сложное, неприятное, колючее, как терновник, но свое.

Именно в этот момент легкий, почти призрачный шелест нарушил гнетущую тишину. Небольшой портал мерцающим пятном света возник в воздухе, и из него на бархатный подлокотник моего кресла бесшумно выскользнул плотный конверт с восковой печатью Школы Близнецов. Распоряжение. Очередной экзамен по общему взаимодействию и этикету.

В груди что-то болезненно и знакомо сжалось. Опять. Снова мне предстояло натянуть на себя маску капризной, своенравной госпожи, стать для них живым тренажером, эталоном непредсказуемости, на котором они должны были отточить свое терпение и выдержку. Эта роль всегда оставляла во рту привкус горечи, словно я играла в игру, правил которой не до конца понимала.

С тяжелым сердцем, в котором смешались долг и странное, виноватое предвкушение, я шагнула в ближайший портал. Миг темноты, щемящего одиночества в междумирье — и вот я уже в знакомом до боли каменном коридоре Школы Близнецов.

Дверь в экзаменационный зал была приоткрыта, и оттуда плыли соблазнительные, почти вызывающие запахи — сладкие, пряные, мясные. Я вошла и на мгновение застыла на пороге, сбита с толку.

Зал больше напоминал подготовку к пышному королевскому пиру, чем к учебному испытанию. Длинный дубовый стол, отполированный до зеркального блеска, буквально ломился от яств: запеченные диковинные птицы в хрустящей корочке, серебряные блюда, гнущиеся под тяжестью экзотических фруктов, хрустальные графины с вином, темным и густым, как кровь.

В центре этого гастрономического безумия возвышался многоярусный торт, утопающий в сахарных цветах. И посреди всей этой неуместной роскоши, в углу, на простом деревянном стуле, сидел он. Антей.

Он смотрел на это буйство изобилия с таким ледяным, безмолвным неодобрением, будто был свидетелем кощунственного ритуала.

За то время, что мы не виделись, его русые волосы отросли, мягкими прядями падая на лоб, обрамляя осунувшееся, но все еще упрямое лицо. Резкая, болезненная худоба начала сглаживаться, плечи расправились, но в самой его позе, в том, как он сжимал свои колени, читалась неизбывная усталость, тень пережитого ужаса.

Его взгляд скользнул по мне, и в его темных, почти черных глазах, будто вспыхнула и тут же погасла искра — не

признания, а чего-то более сложного. Ненависти? Презрения? Жалости? Он отвел глаза, и его взгляд снова стал угольным, непроницаемым.

Мои же близнецы, Лир и Мир, встретили меня улыбками. Но это были не их обычные, теплые, с хитринкой улыбки, которые заставляли мое сердце биться чаще. Нет. Это были безупречные, отрепетированные маски — вежливые, готовые, абсолютно пустые. Они стояли по стойке «смирно» по двум сторонам от моего роскошного, золоченого кресла во главе стола, как два прекрасных солдата, ожидающих приказа.

— Ну что, начнем? — одна из кураторов, Айрис, подлетела ко мне с сияющей, деланной улыбкой. Ее сестра-близнец, Илва, уже восседала за отдельным столиком, вооружившись блокнотом и пером, готовая заносить мои «подвиги».

Я кивнула, с странной смесью неловкости и темного, извращенного предвкушения опускаясь в мягкую, проглатывающую обивку кресла. Быть в центре этого спектакля, чувствовать на себе абсолютное, безраздельное внимание двоих сильных, прекрасных мужчин... даже в такой, унижительной для них роли, это будоражило кровь, щекотало самые потаенные струны души.

— Что от меня требуется? — спросила я просто для проформы, хотя прекрасно знала ответ.

— Все как обычно, — Айрис одобрительно улыбнулась, будто мы делились милой шуткой. — Побольше капризов,

можете что-нибудь пролить, опрокинуть, разбить. В общем, чем больше шума, грязи и хаоса, тем лучше для их оценки.

Я снова кивнула, хотя внутри вся сжалась от протеста. Подобное поведение я считала вульгарным и недостойным леди моего положения. Но кто я такая, чтобы спорить с многовековыми традициями, выверенными чужой болью и пролитой кровью? Это был ритуал. И моя роль в нем была predetermined.

Игра началась. Я томно откинулась на спинку кресла, делая вид, что с прохладным интересом изучаю пиршественный стол.

— Лир, вино, — произнесла я, вкладывая в голос томную, капризную нотку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.